

Егор ФЕДОРОВ
г. Минск, Беларусь

КРЕСЛО- КАЧАЛКА

*Из философских наблюдений
обывателя*

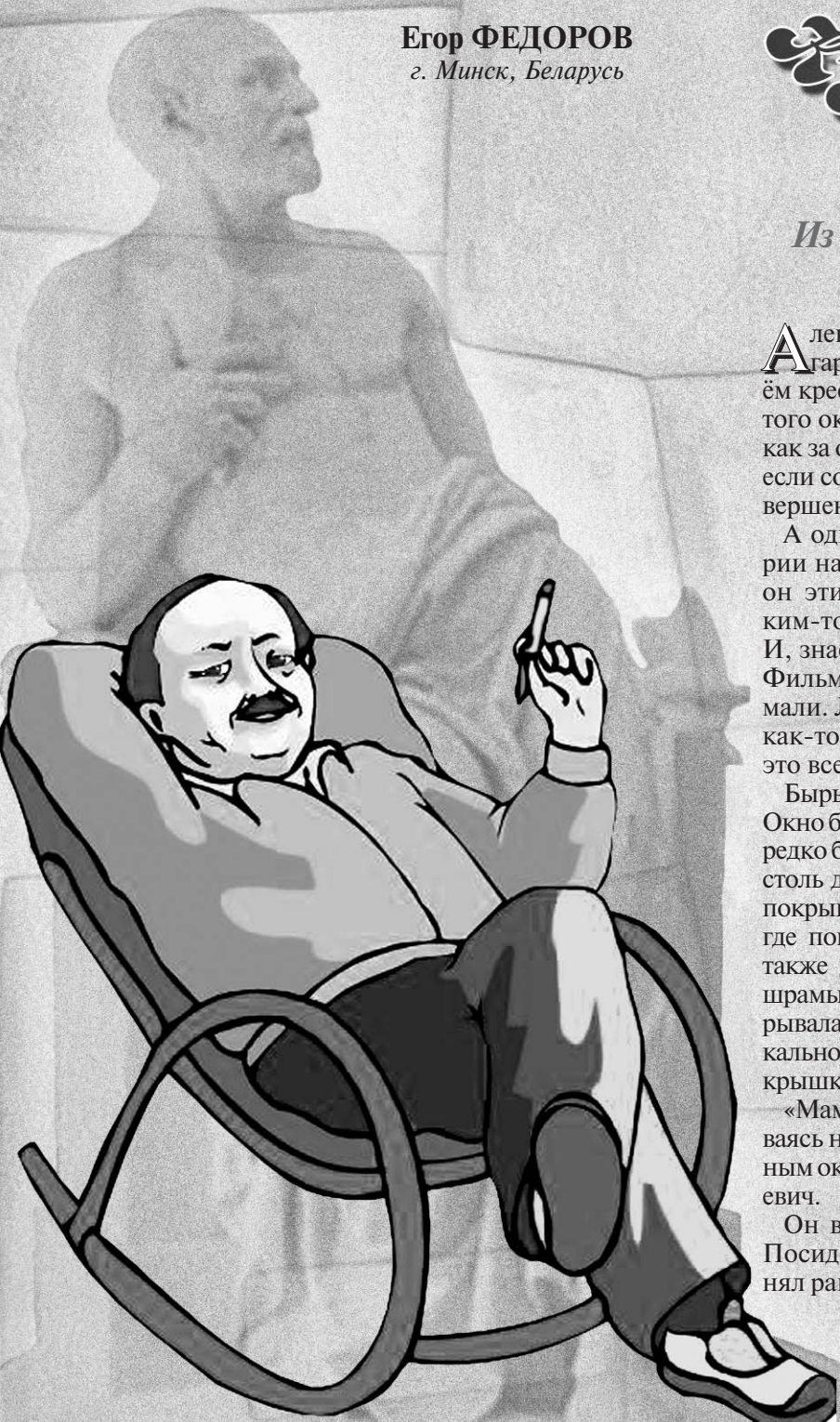
Александр Николаевич Бырынзило с сигаретой размеренно покачивался в своём кресле, наблюдая океан из чисто вымытого окна. Александр Николаевич слышал, как за окном лает собака, и думал о том, что если собака лает, она не кусает никого. Совершенно точно. Бырынзило было хорошо.

А одно время Бырынзило писал сценарии на криминальные темы. Но продавал он эти сценарии не киношникам, а каким-то другим людям — всё время разным. И, знаете, жил пританцовываючи, богато. Фильмов только по его сценариям не снимали. Люди, которые покупали сценарии, как-то их по-другому использовали. Но это все равно.

Бырынзило вышел на лестничную клетку. Окно было грязным. Окна общих коридоров редко бывают чистыми. Это не мыли давно и столь долго мыть ещё не собирались. Окно покрывала лохматая застарелая пыль, кое-где попадались подтёки краски и грязи, а также другие менее поддающиеся анализу шрамы времени. Рама была тяжелой и открывалась снизу вверх. Ну, не совсем вертикально, а по внутренней амплитуде, вроде крышки багажника.

«Мама мыла раму», — вспомнил, присаживаясь на корточки перед низко расположенным окном, Бырынзило Александр Николаевич.

Он выглянул с высоты девятого этажа. Посидел. Потом подумал о чем-то, поднял раму, положил ее себе на спину, высунулся из окна и стал глядеть в открытый, ничем не испачканный проём. Так было гораздо лучше. Хотя рама давила на плечи и но-

ровила вытолкнуть Бырынзило наружу, но можно было и потерпеть. Он вдыхал воздух первых сентябрьских дней... Воздух остался ещё от лета, его ещё не успели заменить на осенний.

Бырынзило Александр Николаевич вспомнил, как читал где-то, будто бы человек — это птица. Наполовину. А на вторую половину — камень. Ещё он подумал, что можно было бы так сидеть всегда — смотреть на окружающий мир без грязного стекла было гораздо приятнее. Хорошо бы закрепить просто раму — ну чтобы она фиксировалась в открытом положении.

Но нужно было только одно.

Бырынзило надоело подпирать раму, он выбрался из-под нее, закрыл за собой окно и пошёл домой размышлять.

Как бы это сделать, чтобы повсюду был дом?..

Это было то одно, что нужно, потому что окна в доме гораздо чище окон общих коридоров.

Бырынзило Александр Николаевич делал в кресле качалке «туда-сюда», кушал лобио и размышлял о том, что хорошо, в сущности, быть дохлым. То есть тщедушного телосложения. Потому что нельзя про такого человека подумать, что он хочет напасть. И, значит, никто не нападет на такого человека в предупредительных целях.

Бырынзило все так же делал взад-вперед на кресле-качалке, кушал лобио и думал о том, что если б вдруг все женщины мира стали бы продажными, то это бы сильно сбilo ценник. От этой мысли Бырынзило делалось тепло, уютно и светло. Но где-то внутри точило чувство, что чего-то всё-таки будет не хватать.

А однажды Александр Николаевич смотрел на грязный после гостей стол и размышлял о том, что самые ленивые из нас работают и живут, не отличая одного от другого. Живут, работая. И работают, когда живут. Самые ленивые не всегда самые умные. Но самые умные всегда самые ленивые. Так думал Александр Николаевич.

Когда-то Александр Николаевич Бырынзило придумал рассказ, как человек едет в другой город за сотни километров. Даже, может быть, почти за тысячу. На машине. Где-то после первой сотни километров человек видит бегу-

щую по дороге собаку — черную собаку. Собака бежит не слишком торопясь, но язык набок. Дворняга не очень крупная...

С человеком разное происходит в дороге. Вот он приехал в тот город, в другой, за тысячу километров, что-то там быстро сделал, какое-то пустяковое дело на сорок минут. Может быть, привёз что-то или приехал на разговор. Человек снова садится за руль своей машины и едет обратно домой. По той же дороге, в тот же город, из которого он приехал. И, когда до города остается километров триста, навстречу ему бежит та же черная собака. Так же размеренно и не слишком торопясь, но с языком набок. Дворняга. Черная.

Александр Николаевич придумал этот рассказ, но не стал записывать. Потому что он не знал, о чем он — этот рассказ.

Однажды Бырынзило Александр Николаевич раскачивался на своей качалке. Раскачивался, раскачивался. Потом замер, потому что понял, что колесо... Колесо придумало человек сто, не меньше. Иначе как бы они тогда, ну много лет назад, добрались друг до друга?

А затем он достал из кармана смятые купюры. «Старые, грязные и замусоленные деньги, — думал, разглядывая мятые бумажки, Бырынзило. — Старятся, грязнятся и замусоливаются быстрее новых. Много быстрее. Потому что все стараются побыстрее от них избавиться». Александр Николаевич аккуратненько сложил то, что нашел в кармане, в черное портмоне, портмоне положил в ящичек стола и снова стал качаться в своем кресле. «С деньгами совсем как с человеческими людьми», — подумал ещё, раскачиваясь, Бырынзило.

А как-то раз Александр Николаевич Бырынзило — ему тогда было что-то около пятидесяти лет — сидел в своём кресле, пригнувшись к коленям и закрыв как можно сильнее уши ладонями. Он лишь на минуту услышал стук... Стук ста миллиардов сердец, работающих на планете Земля. И каждый друг другу кем-то приходится — сват, брат, друг, сосед... Бырынзило понял, что получается... Получается, что он ничейный внук.

Иногда к Бырынзило приходили гости. Иногда и он сам был гостем. Если кто-то из гостей, повода страшно многозначительно глазами,

протягивал: «А, так ты из этих...» — Александр Николаевич Бырынзило очень уверенно и твёрдо отвечал, что нет, не из этих. И было все равно, из каких: желтых, красных, голубых, коричневых или просто тех, кто свидетельствует про Иегову. Он был из любых. Не из этих.

Бырынзило часто смотрел из своего окна на окружающий мир. И у него складывалось такое ощущение, что вокруг очень много героиновых наркоманов. Они скоро закончат свои дела. Вот сейчас-сейчас, вот там завершат сделку. Там сведут баланс. Там — отчет. Здесь вообще доведут проект. В общем, закончат, позвонят дилеру, возьмут, запустятся по вене и будут наконец в мире своего простого героинового счастья.

Но нет, ничего подобного — продолжал наблюдать за миром в своё окно Александр Николаевич. Даже ведь алкоголь не пьют порой, подлецы. Бырынзило покосился на бар, но потом победила лень.

«Какой там героин? Что я? — подумал победенный ленью Александр Николаевич. — Конечно, нет. Они закончат свои дела. Потом придут домой и сядут у телевизора. Или утюжат что-то. А то вовсе и утюжат, и телевизор одновременно».

«Деревьев в мире много», — рассудил один раз по весне Александр Николаевич Бырынзило.

Тыща.

Даже больше — миллион. А может, вообще пятьсот миллионов — никто толком не знает.

Не считали.

«Травы ещё больше», — здесь Александр Николаевич задумался, он припоминал: самое большое — это сколько?

«Миллиард! — вспомнил он. — А может, и не миллиард вовсе, а сто тысяч миллиардов. И такое положение вещей — правильное», — рассудил Бырынзило.

Потому что больше таких высоких, раскидистых людей среди людей маленьких, с одной только жизнью — от зеленой весны до желтой осени. Столько же, сколько деревьев среди травы.

И, довольный тем, что всё рассудил, Александр Николаевич стал кушать лобio.

Бырынзило любил смотреть. Один раз Александру Николаевичу Бырынзило кто-то из гостей принес телевизор. И включил. Глядя в

него, Александр Николаевич задумался было и даже открыл с этой целью рот. Потом закрыл, отвернулся от телевизора и стал раскачиваться в своём кресле. Александр Николаевич разобрался, как работает телевизор, и телевизор стал ему неинтересен.

«Дело в том, что если изображение всех программ между собой пересложить, — догадался тогда, как работает телевизор, Александр Николаевич, — то получится Ничто. То самое Ничто, которое было, когда телевизор только принесли. То есть при включении телевизора внутри него начинает работать рассекаатель, который рассекает Ничто на телевизионные программы. Так выходит изображение».

«Звук тоже производится несложно, — раскачиваясь, додумывал Бырынзило. — Когда его рассекают, Ничто вопит. Ему ведь больно — вот и вопит. Чтобы услышать этот вопль, достаточно пересложить между собой звук на всех каналах. Какая, в сущности, простая вещь! — подумал, гордый собой, Александр Николаевич. — А казалось бы...»

Один раз Александр Николаевич воевал с мухой и упал со своего кресла-качалки. Лёжа он подумал, что, когда воюют два противника, они ослабляют друг друга, каково бы ни было превосходство одного над другим. Ослабляют, воюя. И что когда нет мира внутри, мира с самим собой, то, даже если кроме мух ты ни с кем не воюешь снаружи, ты будешь всё равно слабеть. Потому что будешь воевать внутри.

Скашивая оборонительные редуты танковыми атаками, поднимаясь в ответ в штыковую, разыскивая какие-то ответы в захлёбывающемся кровью командирском «ура!» — понесло мысль Александра Николаевича Бырынзило. Поднимая в воздух стратегические бомбардировщики и расстреливая их ракетными комплексами со своей земли, Александр Николаевич лежал и думал, что как хорошо иметь мир внутри. И снаружи воевать только с мухами.

В один вечер, когда Александр Николаевич Бырынзило уже докусал лобio и очень долго смотрел в окно, ему сделалось скучно и он решил представить себе ужас. Ужас крепкого молодого животного, бьющегося под прессом медленно, но неуклонно и неизбежно наступа-

ющего льда. Этот остров быюшей жизни, который ещё вчера охотился, радуясь и наслаждаясь силой и упругостью мышц, совокуплялся, упиваясь такой возможностью, молодой, вовсе не отживший ещё организм. И в полном соответствии с законами природы этот организм бился, хрипя, за свою жизнь, сзади упершись в скалу, а спереди пятитонной головой молотя в наступающую ледяную смерть. И нужно представить ещё себе, как, скорчившись в минимум пространства, динозавр ещё долго умирал, уставившись одним глазом в толщу льда.

Александр Николаевичу понравилось представлять, и он решил представить себе радость. По-детски искреннюю, искрящуюся и ничем не замутнённую радость профессора палеонтологии, который через 67 миллионов лет копошился в том же месте. Ну, в том же, где был ужас... Профессор радовался — он нашел, он сделал, он открыл! А теперь он ликует, и в нём ликуют двести миллилитров выпитого коньяка — и перечеркиваются красным семь лет неудач. Тут такая радость, такая удача, такой вытянул лотерейный билет!

«Относительно-то всё как», — покачиваясь в кресле и глядя в окно, думал Александр Николаевич.

Кресло Бырынзило Александра Николаевича было устроено так, что, если хорошенько оттолкнуться, можно было увидеть небо. А ему как-то сказали, что никакого неба нет. Никто ведь не трогал его руками, а чего не трогали руками, того и нет. Александр Николаевич Бырынзило догадался, что там вместо неба... зеркало. Но устроено так, что только ночью можно увидеть наши отражения.

Однажды гости рассказали Александру Николаевичу, что, когда он смотрит на летящий далеко вверху самолёт и видит, как неуклюже медленно он проползает сантиметры длины, это — оптический обман.

— И на самом деле за это вот время, что можно затянуться сигаретой. — Гость, который рассказывал, затянулся сигаретой.

— И даже за то время, за которое можно закрыть глаза для предотвращения их от сухости и утомления, — сказал другой гость и моргнул, — самолет преодолевает многие километры здесь, на земле.

И еще сказал, что будто бы летящие по трассе автомобили двигаются гораздо медленнее этой серебряной точки далеко вверху, оставляющей за собой белый пушистый след.

Александр Николаевич долго думал, верить ему в это или нет, потом решился. И поверил. Потому что Бырынзило знал, что время здесь и там течет неодинаково: здесь мгновения — там века. Значит, и с расстоянием все должно быть точно так же. И это здесь, внизу, Александр Николаевич движется только на сантиметры в своём кресле-качалке. Там же, вверху, он за это же время проделывает километры. А иначе зачем же он сюда спускался?

«Надо бы создать такой список, — раскачиваясь по большой амплитуде в своем кресле, думал Александр Николаевич, — который бы назывался «Правила пользования жизнью». Эта нехитрая мысль пришла в голову Бырынзило, когда он подумал о том, что нельзя, категорически нельзя пересматривать фильмы, которые обожал в детстве. И перечитывать книги, которые боготворил в юности.

«Пусть они будут такими, какими я запомнил их тогда», — амплитуда кресла была просто угрожающей. Почти как тогда, когда папа его, маленького, на качелях раскачивал прямо в небо.

«Вот хотя бы поэзия, — кушал лобие Александр Николаевич Бырынзило. — Ну куда это годится?» Он продолжал кушать лобие, аккуратно сложив трубочкой губки, время от времени сдувая с блюда горячий пар.

«Это же ни дать ни взять самая настоящая тюрьма. Не тюрьма даже — тюрьма в тюрьме! Лобие сегодня получилось особенным. Если я, положим, Александр Николаевич Бырынзило, имею мысль и хочу её записать, я же сижу полтора часа, чтобы эту самую мысль словами оформить, чтобы кто-то другой понял мою мысль. А стихи? Ну куда это годится?! Сиди выдумывай часами рифмы», — повторил себе порцию Александр Николаевич.

«Это еще хуже, это тюрьма в тюрьме, тюрьма в тюрьме», — так же, как повторил себе порцию, Бырынзило повторял всё, что сказал за первой. Правда, сейчас он ещё подумал, что хорошо бы не обожраться.

«В сущности, — размышлял, глядя в окно, Александр Николаевич Бырынзило, — я понимаю только, когда у меня несчастье. К примеру, заболел зуб — несчастье. С кресла упал — тоже несчастье. Лобию недоварил — опять оно. Очень надёжно, безошибочно почти могу несчастье отличить», — гордился собой Бырынзило.

«А со счастьем же как? Как со счастьем?» — недоумевал Александр Николаевич.

«Как это так мне понять, что вот оно, стоит себе, всё в белом, рядом со мной?» — горячился Бырынзило.

Немного погорячившись, он заснул. И ему приснилось, что есть счастье. Это когда до тебя чего-то не было. А ты сделал. И сделал хорошо. И знаешь наверняка, что сделал хорошо: не рассматривая чьи-то мнения, похвалы, замечания, помутнения рассудка, горячую жестикуляцию, таблетки аспаркама, вестибулярный аппарат, животноводство в Монголии, красный квадрат в кубе — ничего-ничего не рассматривая. Хорошо... Сделал хорошо... И знаешь это сам...

Александр Николаевич глубоко спал, и по мозгу Александра Николаевича бродили дельта-волны частотой ниже четырех герц, как у всякого глубоко спящего человека.

Однажды Александр Николаевич Бырынзило глядел в окно и со скуки посчитал, что очень много людей (да почти все) живут ровно 165 лет.

«Сто лет человек живёт от одного до двенадцати. Ещё пятьдесят живет от тринадцати до двадцати пяти. От двадцати шести до сорока ещё десять, выходило у Александра Николаевича. Ну и пять лет — от сорока одного и до конца жизни», — не сомневался своим математическим выкладкам Бырынзило.

Получалось ровно 165.

Когда Александр Николаевич Бырынзило был маленьким и ложился по расписанию в двадцать три часа, самым светлым моментом для Александра Николаевича был тот несчастный момент, когда он слышал гул идущего на посадку самолёта. Засыпая под этот гул, учащийся средней школы № 145 Саша Бырынзило представлял себе, что самолёт не просто садится на землю, а терпит бедствие. Что население этого самолёта стало, наконец, полноценными участниками броуновского движения и

броуновски в них движутся не только молекулы, но и сами они по салону падающего самолёта. Представлял, как пилоты пучат глаза в последней отчаянной попытке сделать какое-то исправление. И что самолёт этот непременно, обязательно и просто наверняка сейчас вот упадет на среднюю школу №145, чтобы завтра не нужно было плестись, путаясь в лямках от портфеля, сонному, в это богопротивное место. И послезавтра. И после-после...

Этой ночью, засыпая в своём кресле, Александр Николаевич Бырынзило снова услышал знакомый гул. Вспомнил, про что он мечтал в детстве. И понял, что ему больше не о чем мечтать.

Однажды Александр Николаевич Бырынзило смотрел в окно на заснеженные белым поля. Заснеженные только-только, меньше чем неделю назад, хотя уже кончился январь. Александр Николаевич Бырынзило видел, как чёрным и тёплым на многие километры поля расчертила трасса. Разноцветные автомобили, которые мчались по этой трассе, умели издавать звук смерти. Александр Николаевич этого слышать не мог, он просто это знал. Звук смерти — это звук, с которым колесо автомобиля проезжает по ежу. Ежи засыпают один раз за зиму, больше не умеют. Кто-то так распорядился, и их не научили.

«А зима-то сейчас выдалась теплой, — рассуждал Александр Николаевич, — ежи проснулись не вовремя и сейчас жмутся к тёплому».

Бырынзило смотрел на поля и видел, что на много-много километров вокруг теплое только одно — трасса. Чёрная с красными кляксами трасса.

Кушая лобию, Александр Николаевич Бырынзило сегодня был недоволен. В последнее время приборы, которые передавали ему оптическое изображение, работали с ошибками.

«Загрязняются, наверно», — думал Александр Николаевич.

Со временем всё загрязняется.

Очков Бырынзило не признавал — он считал, что очки ему не идут. Контактных линз не любил — с линзами было много возни.

«Может быть, моноколь?» — смело предположил Александр Николаевич.

В общем, глаза нужно было срочно спасать.

Кухая недовольно лобило, Бырынзило замер с ложечкой у рта.

«Господи, спиртом ведь можно протирать! — внезапно догадался он. — Только изнутри».

Александр Николаевич Бырынзило сидел крепко пьяный после гостей в кресле и немного покачивался. У гостей недавно родился ребенок. Мальчик. 55 сантиметров и 3,5 килограмма веса. Отмечали, стало быть, с гостями день рождения. Первый.

«Интересно, а какой у меня будет день рождения, если завтра мне будет, скажем, сто лет? — пьяно думал Александр Николаевич. — Сотый? Или сто первый?»

Потом Александру Николаевичу надоело думать про день рождения, и он начал думать про мальчика 55 сантиметров длиной и весом в 3,5 килограмма.

«А ведь при рождении никакой души человеку не полагается», — придумал себе Александр Николаевич. Он всё ещё находился под впечатлением увиденного мальчика.

«Пустой рождается человек, без души. Потом только,— Бырынзило поднял поучительно палец, что с ним, пьяным, случилось, — в этот контейнер кто-то размещается. Потом».

Только пьяный Александр Николаевич мог подумать такую глупость. А потом уронить палец и уснуть в своем кресле.

Александр Николаевич Бырынзило качался на своём кресле-качалке и думал о том, что очень много разного было в его жизни. Один раз, вспоминал Александр Николаевич, его даже немножко побили милиционеры. Они забежали в офис, в котором трудились Бырынзило и ещё 43 таких же бырынзило, но с другими фамилиями, и почти всех побили. Не побили только тех, кто вовремя спрятался от милиционеров на пол.

«Так вот маска, — думал Александр Николаевич, — должна отделяться легко. Раз — и снял. И ты уже самый обычный гражданин, идёшь катать любимую дочу Лену на карусели. Не надо, чтобы вращалась маска-то», — продолжал думать Бырынзило.

«Иначе что же её потом... С кровью оттирать?» — попытожил он.

Однажды Александр Николаевич Бырынзило раскачивался в своем кресле-качалке и внезапно понял, что забыл кус мыла. Знал, знал и забыл. Так бывает.

Александр Николаевич стал осторожно, потом всё более настойчиво рыться в памяти — а не забыл ли он чего-нибудь ещё? Оказалось, что за бортом сознания осталась огромная масса вещей: холод промокших в слякоть ващежек, как втягивать из фонтанчика после футбола воду с противным привкусом железа, оглушительный водопад школьного звонка над головой, непредсказуемость ветра, если писать с крыши, да очень много разного. Бырынзило вспоминал и вспоминал, всё больше ужасаясь своему грехопадению.

«Да... — подумал Александр Николаевич. — Одна какая-то ерунда в голове осталась. Что будет дальше, подумать страшно».

«Миллион-миллион-миллион алых роз», — мурлыкал Александр Николаевич в предвкушении лобило. Петь он не умел, но иногда, чаще всего вот в такие моменты сладостного ожидания, ничего с собой не мог поделать.

«Миллион-миллион-миллион алых роз», — так как Бырынзило не умел, да и не любил петь, слов он не знал. Так что вторая строчка отличалась от первой только мотивом.

«Миллион-миллион-миллион алых роз, миллион-миллион-миллион алых роз», — закончил Александр Николаевич припев песни Аллы Борисовны Пугачевой и глубоко задумался в математических подсчётах.

По ним выходило, что, для того чтобы отсчитать миллион роз покупателю, продавец не должен был отлучаться от этого занятия даже в туалет на трое суток, пять часов и ещё 23 минуты.

«Более того, — ужасался Александр Николаевич, — миллион этих цветов даже самого тшедушного телосложения занимал бы площадь в полтора квадратных километра».

«Глупости какие все эти ваши песни», — удовлетворённо думал Бырынзило. Убежденность, что ничего путного они не представляют, в нём окончательно окрепла.

Александр Николаевич немного замерз в своём кресле и подумал, что в мире всё-таки полно несправедливости. Он, к примеру, вовсе

не понимал, отчего микроволновая печь устроена именно таким образом, что в ней нельзя греть руки. А может быть, и вовсе — ноги.

Со временем Александр Николаевич медленно, но неуклонно толстел.

«Так, глядишь, и в кресло своё однажды не влезу», — Бырынзило критически оглядывал свои килограммы живого веса.

Внезапно он ужаснулся: «Или не вылезу».

Александр Николаевич немножко переместил центр тяжести — кресло пришло в движение. Раскачиваясь, Бырынзило вспоминал о том, что есть такое поверье, что, если переступить лежащего человека, он не будет больше расти.

«Интересно! — искал выход из сложной ситуации Александр Николаевич. — А что будет, если меня переступить не поперек, а вдоль?..»

Ночью Бырынзило ворочался в ужасе от того, что однажды станет таким толстым, что не сможет вылезти из своего кресла.

«Как же я тогда буду готовить себе лобию?» — горевал Александр Николаевич.

После нескольких часов раздумий Бырынзило будто молнией озарило. «Я просто вырасту вверх!» — догадался Александр Николаевич.

Делов-то — нужно просто вырасти вверх!

И, счастливый, Бырынзило уснул.

«А ведь, в сущности, толстяки,— внезапно проснувшись в пять часов утра, размышлял

Александр Николаевич,— это мужчины, которые могли что-то родить, но так не родили».

Раскрыл суть вещей Бырынзило.

«Мне-то чего бояться? — продолжал он размышлять. — Не дал мне боженька талантов, не дал. То есть я и родить ничего не мог», — улыбнулся Александр Николаевич.

И, наконец, успокоившись после полубессонной ночи, он ещё на часок уснул.

Самым острым из желаний маленького Саши Бырынзило было стать взрослым.

Теперь взрослый Александр Николаевич сейчас покачивался в своём кресле и никак не мог вспомнить — а зачем?

То есть всю остроту желания стать взрослым помнил, а зачем — нет. Забыл.

«Такой неподходящий момент, а я забыл», — печалился Александр Николаевич.

Александр Николаевич был так прост, что многие удивлялись, отчего он не гениален.

Как-то осенним дождливым вечером Александр Николаевич внезапно понял, что он не просто день за днём сидит в кресле-качалке, он ещё и делает занятие. Каждый день. Без перерывов на обед, выходных и праздничных дней. Без перерывов на кофе-паузы, разговоры по телефону и походы в туалет. Он делает это занятие. Он умирает...

□

Егор Георгиевич ФЁДОРОВ

родился в 1979 году.

По образованию инженер-механик,

трудился менеджером по продажам,

сценаристом документального кино на телевидении.

Ранее не публиковался.

Живет в Минске.

Лауреат конкурса «Северная звезда 2011» в номинации «Проза».

